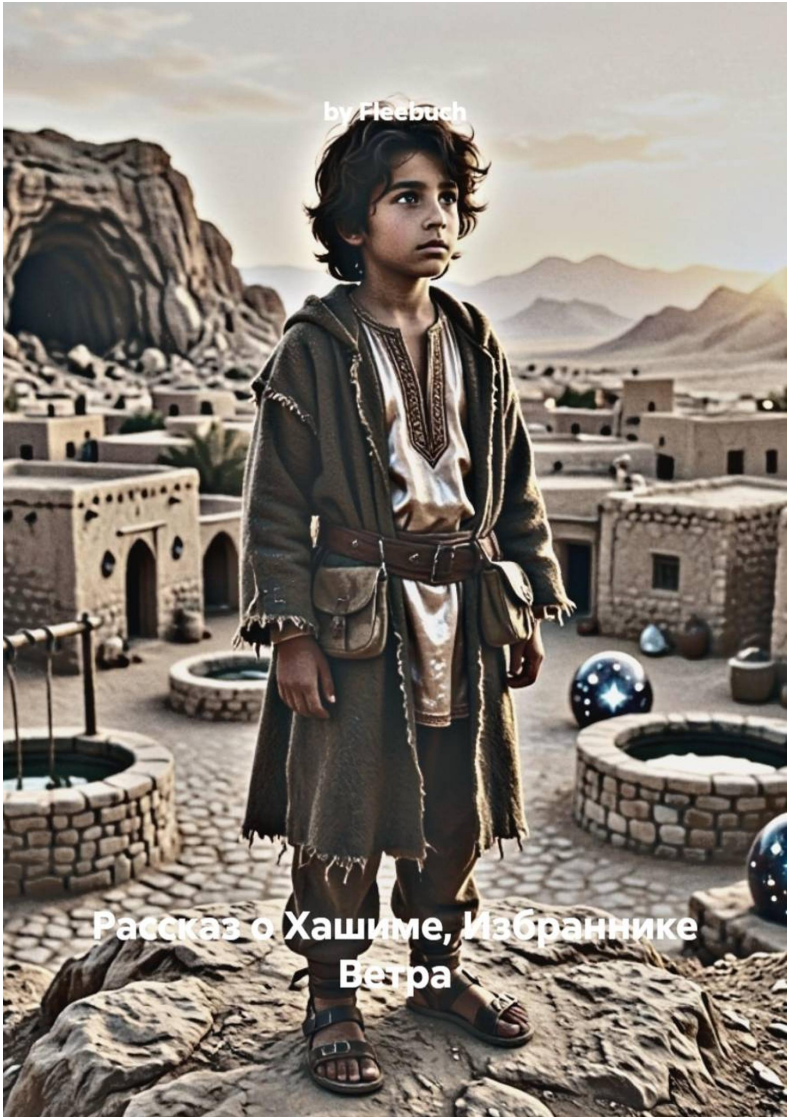

by Fleebuch
Рассказ о Хашиме, Избраннике Ветра

by Fleebuch

Рассказ о Хашиме, Избраннике Ветра

https://litres.ru/74965803
SelfPub; 2026

Аннотация

В повести «Песнь о Хашиме, Избраннике Ветра» рассказывается о мальчике, родившемся в год, когда дважды цвёл миндаль, потерявшем отца до своего рождения и мать в раннем детстве, выросшем в доме дяди-каменотёса, ставшем верным купцом по прозвищу Хранитель Договора, женившемся на знатной вдове Замире и однажды услышавшем в пещере на Глухом Утёсе голос Ветра, произнёсший слово «Читай», — и с этого мгновения его жизнь раскололась надвое, ибо он вышел к людям с проповедью о едином невидимом Боге, прошёл через годы гонений и истребления своих последователей, через войну и прощение, через возвращение в город, который его изгнал, и оставил после себя слово, которое пережило его на сто лет и до сих пор звучит в устах сказителей, заканчивающих свой рассказ простой и горькой правдой: «Был человек. Он боялся. И всё же говорил».

by Fleebuch
Рассказ о Хашиме, Избраннике Ветра

Рассказ о Хашиме, Избраннике Ветра

В год, когда дважды цвёл миндаль, в городе Мирбаде, что стоял среди трёх пустынь, родился мальчик из рода Сархан — рода хранителей колодцев и звёздных камней.

Говорили, что год тот был странным. Зима пришла поздно, весна — рано, а миндаль, обычно цветущий раз в году, вдруг осыпался белым цветом дважды: в начале весны и в конце лета. Старики качали головами и говорили, что такое бывает раз в сто лет, и что рождаются в такие годы люди, которых потом либо проклинают, либо почитают святыми, но равнодушными к ним не остаются никогда.

— Слышал? — говорил старик Мансур, сидя у колодца и перебирая чётки. — Миндаль-то второй раз зацвёл. К добру ли?

— К добру ли, к худу ли — нам не решать, — отвечал ему сосед, торговец финиками. — Наше дело — воду носить да финики сушить.

— Это ты так говоришь, потому что у тебя ни сына, ни дочери нет, — усмехался Мансур. — А вот у Рании из рода Сархан сын родился. В ночь, когда два дождя шли. Ты видал,

чтоб два дождя разом?

— Не видал.

— И я не видал. А небо было такого цвета… — старик поднимал руку и смотрел вверх, будто искал тот цвет в сегодняшнем небе. — Такого не бывает. Я семьдесят лет живу, а такого неба не видел.

Отец его, Барзан, умер, не увидев лица сына: он ушёл с караваном к северным солёным городам и не вернулся. Караван вернулся — сорок верблюдов, тридцать погонщиков, товары, которые Барзан вёл, — но самого Барзана не было.

— Где Барзан? — спросила Рания у старшего погонщика, когда караван вошёл в город.

Погонщик был человеком грубым, с обветренным лицом и руками, покрытыми трещинами. Он слез с верблюда, отряхнул пыль с халата и сказал, не глядя ей в глаза:

— Не знаю, госпожа. Он остался в северном городе. Сказал, что вернётся. Мы ждали три дня. Потом пошли дальше.

— Почему вы не ждали дольше?

— Потому что караван не может стоять. Ты же знаешь, госпожа. Вода кончается, товар портится, люди волнуются.

— А он… он что-нибудь сказал? Перед тем как остаться?

Погонщик помолчал. Потом полез за пазуху и достал маленький кожаный мешочек.

— Он просил передать это сыну. Если родится сын. — Он протянул мешочек Рании. — Там камень. Звёздный камень. Он говорил, что это от его деда, а деду — от прадеда.

Рания взяла мешочек. Развязала. Внутри был чёрный камень размером с грецкий орех, с белыми крапинками, похожими на звёзды.

— Что ж, — сказала она. — Спасибо.

Она не плакала. Она просто села у колодца и просидела там всю ночь, глядя на воду, и утром встала с сухими глазами и сказала:

— Что ж. У меня есть сын.

Мать, Рания, назвала мальчика Хашимом — «щедрый» — ибо в ночь его рождения, говорили потом, над Мирбадом прошли два дождя разом: тёплый и холодный, и небо было того цвета, какого не бывает.

Рания была женщиной некрасивой, но с глазами, которые запоминались навсегда: серо-зелёными, как вода в колодце на рассвете, и такими глубокими, что в них можно было утонуть. Она не была мягкой. Она не была доброй в том смысле, в каком добрыми бывают матери, которые прощают всё. Она была твёрдой. Как камень. Как колодезный сруб. Как человек, который знает, что если он сломается, то сломается всё.

— Ты будешь носить это, — сказала она, когда Хашим подрос настолько, что мог держать в руке камень. — Это от твоего отца. Он не вернулся, но он оставил тебе это.

— А где он? — спросил Хашим.

— Не знаю. На севере. Может, жив. Может, мёртв. Но камень — твой. Береги его.

Хашим взял камень. Он был тяжёлый и холодный, и в бе-

лых крапинках чудилось что-то живое — будто звёзды смотрели на него из темноты.

По обычаю рода младенца отдали вскармливать кочевникам степи Белых Песков — так делали все, чтобы дети пустыни выросли с сильным сердцем и чистым языком. Кормилицей его стала старуха Малика, у которой не было своих детей.

Малика была женщиной огромной, с руками как лопаты и голосом как гром. Она жила в шатре из белой шерсти, и шатёр её стоял на краю степи, там, где песок становился белым, как соль. Когда Рания привезла ей ребёнка, Малика взяла его на руки и долго смотрела ему в лицо.

— Странный ребёнок, — сказала она наконец.

— Почему странный? — спросила Рания.

— Он не плачет. Смотрит. Будто спрашивает что-то.

— И что ты ему ответишь?

— Пока не знаю. — Малика покачала головой. — Но ответ найду. Иди, госпожа. Я выращу его.

Она потом всю жизнь твердила, что когда мальчика прикладывали к груди, ей снилось, будто пьёт она не молоко, а свет. Малика пела ему песни, которых не знала ни одна мать в Мирбаде, — песни о звёздах, которые падают в песок и превращаются в колодцы, о ветрах, которые носят имена, о людях, которые умирают и не кончаются.

— Слушай, — говорила она, баюкая его. — Слушай, как ветер говорит. Слышишь?

— Слышу, — отвечал маленький Хашим.

— А что он говорит?

— Он говорит… он говорит, что идёт.

— Куда идёт?

— Не знаю. Просто идёт.

Малика смеялась и качала его на руках.

— Ты странный ребёнок, — говорила она. — Но, может, так и надо.

Хашим потом, много лет спустя, вспоминал эти песни, когда сидел в пещере на Глухом Утёсе, и говорил, что именно из них выросло его первое слово.

***

Шесть лет прожил Хашим в шатре Малики, а затем мать привезла его обратно в Мирбад.

— Пора, — сказала Рания, когда приехала за ним. — Ты должен знать свой род.

— Я не хочу, — сказал Хашим. — Мне здесь хорошо.

— Хорошо не бывает навсегда, — ответила Рания. — Иди.

Малика плакала, когда отдавала его, и говорила Рании:

— Он не такой, как другие дети. Он слушает ветер.

— Я знаю, — сказала Рания. — Но ветер не накормит его. И не защитит.

— Может, и защитит, — прошептала Малика, но Рания уже не слушала.

Меньше года минуло — и Рания отправилась с сыном к

дальним родичам, к востоку, где жили её предки. Она хотела показать им мальчика, а может быть, хотела найти ему лучшую долю, чем та, которую мог предложить обедневший род Сархан.

— Куда мы едем? — спросил Хашим.

— К моим родным. Ты должен их увидеть.

— Зачем?

— Потому что род — это корни. Без корней дерево падает.

— А если я не хочу быть деревом?

Рания посмотрела на него долгим взглядом.

— Тогда ты будешь камнем, — сказала она. — А камни одиноки.

Они ехали через пустыню, и Рания рассказывала ему о своём детстве, о своих сёстрах, о том, как она училась прясть и готовить, как мечтала о другой жизни.

— Я хотела быть звездочётом, — сказала она однажды ночью, когда они сидели у костра.

— Звездочётом? — удивился Хашим. — Но ведь звездочёты — это мужчины.

— Вот именно, — усмехнулась Рания. — Поэтому я и не стала.

На обратном пути, в селении Дар-Ханна, между двумя дорогами, она занемогла и умерла.

— Мама? — Хашим тряс её за плечо. — Мама, вставай. Нам надо ехать.

Она не вставала.

— Мама!

Он сидел рядом с ней два дня. Люди из селения подходили, смотрели, качали головами, но никто не подходил близко. Они боялись. Может быть, болезни. Может быть, чего-то другого.

— Мальчик, — сказал ему наконец старик, который принёс воды. — Её надо похоронить.

— Нет, — сказал Хашим. — Она не умерла. Она спит.

— Она умерла, мальчик. Я видел много смертей. Это смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.